

Б Р А Т Ь Я

На днях исполнилась 31-я годовщина со дня начала Великой Отечественной войны. Грудью встали на защиту священных рубежей Родины многомиллионный советский народ и его славные Вооруженные Силы. Советские воины не только разгромили фашистскую Германию, вероломно напавшую на нашу страну, но и принесли освобождение от гитлеровского ига многим государствам Европы.

Перед вами отрывок из повести «Перешагнувшие через юность» И. Акимова, бывшего комиссара батальона 38-го Отдельного комсомольского инженерного полка. Повесть в этом году выходит в свет в издательстве ДОСААФ. В ней рассказывается о создании в начале Великой Отечественной войны 38-го Отдельного комсомольского инженерного полка, ставшего в ходе боев Первой штурмовой инженерно-саперной комсомольской бригадой резерва Главного Командования.

В комсомольской воинской части сражались против гитлеровцев представители молодежи 36-ти национальностей СССР, в том числе русские, украинцы, белорусы, армяне, азербайджанцы, грузины, чечены, ингуши, чуваша, коми, осетины, буряты, татары, эстонцы, литовцы и представители других национальностей СССР.

Второй и пятый комсомольские батальоны на реке Друть действовали совместно. Второй больше минами занимался, пятый сооружал мосты и обеспечивал переправы. Оба в равной мере помогали пехоте и танкам. Сейчас они расчищали для них проходы и улучшали дороги в полосе наступления 343-й стрелковой дивизии. Участвовали совместно с инженерно-танковым полком и огнеметными подразделениями бригады в прорыве вражеской обороны.

На пути наступающих — немецкие мины всех образцов. Саперы-комсомольцы с помощью своих чувствительных приборов

проделали девять проходов и пропустили по ним самоходную артиллерию и колонны танков.

Не удивительно, что саперы были в почете не только у пехотинцев и танкистов, но и у артиллеристов. И между собой в батальонах бойцы крепко дружили. Однако ничья дружба не могла сравниться с той, которую были спаяны Василий Васютин — бывший ученик, затем комсорг роты, выросший до политрука, и Сурен Амазаспович Никоян — бывший учитель из Ленинскана, ныне парторг подразделения, Один — с Украины, другой — из Армении. До чего уважали они друг друга, любили

побеседовать! Бывало, завидит Никоян Васютину и кричит:

— Как самрчуванце, дорогой?

Василий обрадуется. Кивает приятелю.

— Отличное самочувствие, Сурен! Как ты там?

— Прекрасно! Врага-то ведь гоним. Березина близко.

— Теперь самозванному «Наполеону» достанется от всех советских народов, которые вместе с русскими идут освобождать города и села России, Белоруссии, Литвы и Латвии, а также братской Польши. Ты знаешь, что в нашем комсомольском соединении насчитывается 36 национальностей? Это мне в политотделе бригады сказали.

— Знаю, родной мой.

На Кавказе комсомольская бригада пополнялась за счет армян, грузин, азербайджанцев, ингушей, чечен, осетин. В Подмосковье в нее влились казахи и буряты, коми и чуваша, эстонцы и другие. И сейчас Васютин с Никояном разговаривают о том, как бесноватый Гитлер замышлял поссорить наши народы, надеясь на распри между ними. Смехотворно!

Вот так сойдутся дружки, поговорят, отведут душу, и каждый в свой батальон. Васютин — во второй, Никоян — в пятый, а раньше он был политруком восьмой роты третьего.

Как-то их подразделения занимались разминированием по

соседству. К исходу дня гитлеровцы возобновили стрельбу из тяжелых орудий. Саперы стали окапываться, чтоб не задело осколками снарядов. Васютин переходил от взвода к взводу — замполиту приходилось в любое дело вмешиваться. Кроме того, он был общепризнанным специалистом по минам, мог дать дельный совет, подсказать. Ну и не ждал, когда позовут, сам шел к минам.

Только шагнул, как поблизости грохнуло. Словно иголку магнитом, потянуло Васютину к земле. Во рту та же горечь, какую ощутил два года назад в Донбассе, когда сработала в руках трехрожковая немецкая мина. Но тогда потерял сознание, а сейчас отдавал себе полный отчет в том, что ранен.

Он приподнялся. И опять рядом громынуло. Посыпались градом осколки. Отсюда, из этой опасной зоны, надо было обязательно выбраться, а у него подламывались колени, кровь текла безостановочно.

Между тем обстрел продолжался. «Стукнет сюда еще разок, и ничего от меня не останется. — подумал Василий. — Глядом, как нарочно, никого. А без посторонней помощи мне с места не сдвинуться».

Голова кружилась. В ушах — перезвон, будто раскачивались колокола. Он закрыл глаза. А когда открыл, увидел знакомый каштановый чуб. Неужели Никоян? Может, кажется? Нет.

точно. Его голос с характерным акцентом.

— Держись, дорогой!

— Сурен, — прошептал Васютин. — Сплоховал я...

Никоян подхватил его, взвалил на закорки, понес. А снаряды рвутся, обсыпают землей. Над головами так и свистит.

— Брось меня, Сурен.

— Зачем так говоришь? — рассердился Никоян. — Разве человек человека может бросить?

— Не донесешь меня...

— Донесу!

Снова разрывы. Никоян заслонил собой Васютину. И упал. Его тело, пробитое кусками рваного железа, дернулось и ослабло.

— Сурен! — крикнул Васютин, не веря, что его спаситель убит. Это было бы слишком жестоко.

Молчит Никоян. Не шевелится.

— Сурен!

Никакого ответа.

— Сурен!

И Васютин понял все. Самого близкого друга не стало... А собирались после войны вместе в Армению съездить. Как же писать теперь туда, жене и детям о том, что случилось? Говорил, бывало: «Моя Арансия любое испытание выдержит». Выдержит ли?

Много лет спустя старший сын Никояна Генрих Суренович писал мне:

«Мой отец очень любил рисовать (у нас и поныне сохранились некоторые папины фронтовые рисунки) и в мои детские годы внушил эту любовь мне. Поэтому в 1956 году я поступил в Ленинградское высшее художественно-промышленное учи-

лище. После окончания его стал работать в Армянском филиале Всесоюзного научно-исследовательского института технической эстетики. С 1970 года по конкурсу исполняю обязанности доцента при кафедре... Младший брат стал инженером.

И то, что мы в те трудные голодные годы выжили, а в дальнейшем получили высшее образование, — заслуга нашего отца. В нашем воспитании он принимал участие своими письмами с фронта. Он и теперь направляет наши поступки в нужное русло своими дневниками...

После войны в госпитале Василий Георгиевич приезжал на Кавказ. Здесь мы и встретились. Здесь он и поведал мне печальную историю гибели бывшего политрука 8-й роты комсомольского полка, затем партийного вожака батальона комсомольской бригады.

Чудом уцелевший Васютин о себе сказал мало — только то, что работал заместителем директора института, потом заместителем председателя колхоза «Украина». Человек без ноги, но дома не сидел: то за лесом на Север ездил, то за машинами на Урал или в Москву. К его военным орденам прибавились награды мирного времени. И друзей фронтовых не забывает. По приглашению ЦК комсомола Украины мы вместе побывали в Киеве, отметили 25-летие победы над гитлеровской Германией, вспомнили о тех, кого нет среди нас.

Вечно жива наша дружба: она передается по наследству от старших к младшим. И сыны Никояна — Генрих и Жан — помнят об этом.